

КРЕМЛЕВСКИЙ ТРИЛЛЕР

СЕРГЕЙ КОМКОВ

КРЕМЛЕВСКИЙ СУРОК

Сергей Константинович Комков

Кремлевский Сурок

Серия «Кремлевский триллер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373189

Кремлевский Сурок. / Сергей Константинович Комков: Алгоритм;

Москва; 2011

ISBN 978-5-4320-0028-6

Аннотация

В политическом романе-триллере известного специалиста по ваххабизму, философа Сергея Константиновича Комкова в оригинальной, увлекательной рассказывается о грандиозном плане по развалу России. Он имеет кодовое название «Русский проект». Это, по мнению автора, не выдумка политологов и журналистов. Он утверждает, что «Русский проект» – реально существующий план, большая часть элементов которого уже успешно осуществляется в нашей стране. Автор в экспрессивной, подчас фантастической форме показывает, кто и как осуществляет этот замысел врагов России. В «кремлевском триллере» Комкова мы встретим легко узнаваемых лиц, главным из которых является некто Сырков по кличке Сурок, очень напоминающий знаменитого Владислава Суркова из администрации президента.

Содержание

Вместо предисловия	4
Действие 1-е	10
Пролог	10
1	15
2	22
3	26
4	32
5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Константинович Комков Кремлевский Сурок

Если историю великого государства начинают делать самовлюбленные, корыстные временички, она непременно превращается в фарс, медленно, но уверенно перерастающий в трагедию.

Вместо предисловия

Кремлюди – это не просто сокращение.

Это особая порода людей, считающих Кремль не только местом своего постоянного пребывания и местом своей служебной деятельности. Для них это нечто более важное.

Фактически это особая среда обитания, гарантирующая им не просто богатую и безмятежную жизнь.

Кремлевская среда обитания позволяет им уверовать в свою полную непогрешимость. В свою значимость для судеб страны. В свою безнаказанность и недоступность любому закону.

Подобное было не всегда. За истекшие последние девять лет кремлевская жизнь серьезно изменилась. Теперь здесь не живут семьями. По коридорам кремлевских зданий

давно уже не бегают босые ребяташки «красных наркомов». Сюда больше не заезжают запросто на чашку чая старые товарищи по партии. Здесь больше не горят за полночь традиционные зеленые настольные лампы вождей революции. Здесь не устраиваются пышные съезды герантократов.

Да. Всего этого давно уже нет.

Теперь здесь поселилась совершенно новая категория государственных деятелей.

Они въезжают сюда под вой сирен. Через главные ворота. На шикарных дорогих автомобилях, стоимость каждого из которых многократно превышает годовой бюджет какого-нибудь маленького провинциального городка. Их сопровождает целая кавалькада вооруженных до зубов охранников.

Они носят шикарные костюмы и галстуки, стоимость каждого из которых равна годичной пенсии всех стариков, построивших эту страну и доживающих сегодня свой скорбный век в каком-нибудь захудалом доме престарелых.

Они пьют только самые престижные и дорогие вина из виноградников Франции или Италии.

Они кушают самые изысканные блюда, приготовленные специально приглашенными для их обслуживания поварами. И блюда эти им подают обязательно на серебряных подносах.

В свободное от посещения Кремля время они ездят отдыхать на лучшие мировые курорты. Причем делают это и тогда, когда на дворе стоят жгучие январские морозы. И то-

гда, когда старые кремлевские стены трещат от нестерпимой летней жары. И в любое другое время, сообразно своим возникающим потребностям.

Эти люди живут в совершенно закрытом для постороннего глаза, уютном мире Рублево-Успенского шоссе или Никол и ной горы в дорогостоящих виллах, цена каждой из которых превышает их официальную заработную плату за триста лет вперед.

Для них персонально поют и танцуют лучшие артисты России и других окрестных стран мира.

Последние новинки моды им доставляют из самых дорогих и модных бутиков прямо на дом.

Но это не самое главное в их непростой и довольно однообразной кремлевской жизни.

Эти люди целиком и полностью отвечают за судьбу великой страны, которая когда-то дала им образование и путевку в жизнь. Правда, не все и не в полном объеме получили это самое образование. И не каждый из них до конца понял, что собой представляет страна, в которой им посчастливилось родиться.

Зато каждый из них совершенно точно определил степень своего участия в управлении этой великой страной.

Кто-то надежно и надолго взял в свои руки бразды управления экономикой. А заодно прибрал к своим рукам и все, что вырабатывается этой самой экономикой.

А кто-то надежно и надолго взял в свои руки бразды

правления политической жизнью страны. И с высоты своего кремлевского положения теперь решает, является ли сегодня строй, созданный их усилиями, «суверенной демократией» или это просто очередная недоработанная модель обыкновенной «управляемой демократии» американского образца.

Кремлюди – это особая категория государственных служащих. Они не подходят ни под одно определение, предусмотренное главным законом страны – Конституцией. Ибо они не являются представителями ни исполнительной, ни законодательной, ни судебной власти. На них, так же, как и на главу государства, распространяется полный иммунитет, позволяющий этим людям быть вне Закона.

Но они плохо учили уроки истории.

А история Кремля может многое поведать.

И в первую очередь, она может поведать о судьбах тех, кто в свое время тоже считал себя неподсудным и недосягаемым. А закончил свою жизнь в темных сырых подвалах Лубянки с пулей в затылке. Или благостно почил в мире и почете на персональной даче. Но потом все равно был проклят и оплеван своими потомками.

Многие из предшественников нынешних кремлюдей еще при жизни были объявлены «врагами народа». А некоторые умерли почти национальными героями. Но потом выяснилось, что они и есть те самые настоящие враги народа.

Среди тех, для кого кремлевские мостовые стали ежеднев-

ной дорогой на службу, всегда были настоящие патриоты этой великой страны. Но среди них же всегда просматривались и те, кто эту простую дорогу на службу превратил в свой личный «светлый путь» к богатству и власти.

Эти последние всегда и обязательно прикрывали свою деятельность высокими фразами о благе Отечества и о государственных интересах. На самом деле, имея только один интерес – свой собственный.

И это вполне закономерно.

Ибо, само понятие «кремлевского человека» изначально было сопряжено с возможностью возвышения над всем остальным – «презренным» миром. А в эпоху «суверенной демократии» это еще фактически означало и вытаскивание счастливого билетика, дающего возможность попасть в мировые райские кущи.

Кремлюди – это уникальная разновидность современной политической особи.

Однажды попавший в этот разряд, остается в нем до конца жизни. Ибо изменения происходят на генном уровне. И не всегда эти изменения способствуют совершенствованию особи. Иногда они превращают ее в уродливую мутацию, которую очень активно используют злейшие враги России с целью разрушения страны, во имя которой эти самые особи призваны служить верой и правдой.

И для этого вовсе не обязательно использовать новейшие достижения науки и техники, о которых поведано в данной

книге.

Потому что именно на эти уникальные свойства мутированной кремлевской особи рассчитаны планы наших политических и идейных врагов, четко обрисованные в знаменитом «Русском проекте».

«Русский проект» не досужий вымысел политологов и журналистов. Он разработан в недрах американских спецслужб. Это – реально существующая программа разрушения одной из величайших мировых держав – России. И огромная ставка в осуществлении этого дьявольского замысла делается на самых скрытых представителей российской государственной власти, которые сегодня скромно именуются кремлядами.

Действие 1-е

Год Сурка

Пролог

Уникальные свойства сурка известны с незапамятных времен. Он имеет обыкновение всю зиму дрыхнуть в глубокой норе. И только по весне нехотя выбирается наружу. Каждый год в начале февраля тупые янки извлекают толстого недовольного сурка из норы. По его поведению они определяют свое будущее на предстоящую весну. И наивно верят этому ленивому жирному зверьку...

В России всегда были свои дворцовые суеверия. Здесь гадали по конскому волосу или по собачьим блохам. А еще гадали по бабьим животам. Если живот барышни в корсет не помещался, значит, очередная царская фрейлина удостоилась «монаршей милости». Если гадание происходило вовремя, фрейлина просто подвергалась «чистке», дабы продолжать ублажение «царского величия». Если с гаданием запаздывали, ее на время отправляли в монастырь под присмотр сердобольных монахинь, коим впоследствии при успешном разрешении от бремени царская пассия и оставляла свой несчастный плод на воспитание.

Но все это происходило под покровом полной секретности, за разглашение которой полагалась только одна кара – смерть. Так что никакими политическими катаклизмами данные малые «шалости» государей России не грозили. Преемственность самодержавия соблюдалась строго, и наследниками престола становились порой хилые и слабоумные, но непременно рожденные в законном браке. И всякие попытки возвести на престол умных и здоровых, но самозванных, пресекались на корню, поскольку сулили стране великие смуты и возмущения.

С началом эпохи демократии в 90-е годы двадцатого столетия все эти предрассудки были в России отмечены. И у кормила государственной власти вдруг оказались не просто незаконнорожденные самозванцы. Не просто представители «презренного сословия», коих в былые годы даже близко не подпускали к царственному трону. Власть оказалась в руках настоящих сукиных детей, ежедневно и ежечасно подтверждающих свою кобелиную родословную.

Впрочем, вернемся к тупым янки и их жирному сурку.

С некоторых пор янки очень полюбили стольный град Москву. После потепления отношений и разрушения «железного занавеса» эти самые янки в одиночку и целыми семьями ринулись на бескрайние просторы государства Российского. При этом каждый из них был не прочь притащить с собой всяческую дрянь, дабы очистить свою хваленую Америку от мусора и паразитов.

Вот и теперь, вытащив на свет Божий очередного жирного и неповоротливого от зимней спячки сурка, некая дебилая леди, замаскировав его под меховое манто, приперла сию значную коробку прямым рейсом Нью-Йорк – Москва. Благо, что в отличие от Америки, наши таможенные власти багаж осматривают довольно поверхностно. А, если дать таможеннику «на лапу», то завезти можно хоть слона. Это в их «демократических» штатах любого, прибывшего из России, выворачивают наизнанку. Не щадят даже наших всенародно избранных депутатов. А что, в самом-то деле? Чем этот вшивый депутат отличается от простого занюханного русака? Они и своих-то чиновников не больно жалуют. Одним словом – демократия!

Так вот, прибыл наш Сурок в коробке из-под мехового манто. И прямым ходом – в Кремль. Хозяйка прихватила его с собой на прогулку по главной российской достопримечательности. А поскольку сурок толком так еще и не проснулся, она его просто вокруг шеи наподобие манто и водрузила. Да только одного не предусмотрела. Как только кремлевские куранты пару раз бабахнули, сурок от неожиданности очнулся и дал деру. Только его и видели. Хозяйка на виду у всей службы охраны Кремля некоторое время для приличия горевала. А потом решила, что так оно, наверное, лучше будет. Для укрепления российско-американских связей. И тут же при помощи новейшего спутникового телефона системы «Пентагон сикрет» отправила депешу в Белый Дом: «Агент

внедрен». После чего спокойно приняла в гостинице «Националь» душ и легла спать. Потому что в Америке в это время еще было самое раннее утро.

Тем временем агент по кличке Сурук, которого в течение всей зимней спячки при помощи специальной методики активно обучали устной и письменной русской речи, быстро сориентировался на местности. Минувя казармы знаменитого кремлевского полка, откуда почему-то доносились вопли и то, что в программе обучения было заложено, как «специфические непечатные выражения», рванул прямо в подворотню главной президентской резиденции. Полусонный часовой, видимо приняв сурка за жирного комендантского кота, лениво махнул рукой: «Пшел вон, скотина!» Такой прием озадачил. Но не изменил настроения. Тем более что впереди замаячил длинный пустой коридор с массой огромных высоких дверей, за каждой из которых могло находиться что-то интересное.

Возле одной из них Сурук остановился и принялся. Пахло чем-то очень знакомым. Что-то наподобие дорогих гаванских сигар и виски. Встал на задние лапы и в соответствии с отработанным годами инстинктом глянул на свою тень. Она была длинной и расплывчато серой. И ничего хорошего не предвещала. Задрал вверх голову и прочел на массивной табличке: «Сыров В.М.» «Видимо, здесь пункт раздачи сыра», – подумал Сурук и протиснулся внутрь. Но предчувствия его обманули. Тщательно обнюхав приемную,

а затем все углы огромного кабинета, и так и не найдя желанного лакомства, зверек в изнеможении плюхнулся под креслом и уснул.

В далекой Америке на родной ферме в Алабаме в это время было всего лишь раннее утро...

Из путевых заметок профессора Воронцова

«Эта весна начала сводить с ума задолго до своего пришествия. Коты заорали уже в феврале. Причем, чем более невзрачным на вид был котяра, тем сильнее он оглашал окрестности. Многие эксперты напрямую связывали сей странный феномен с наступающим избирательным сезоном. Но делать выводы не спешили. Ибо соответствующей команды пока не поступало.

В этом странном государстве всегда и все делалось только по команде. По команде начинали активно бороться с очередными «врагами народа», по команде осваивали целинные земли, по команде возводили очередной уродливый индустриальный гигант, по команде стройными шеренгами вступали в «ряды строителей светлого будущего» и также по команде их покидали. Даже после развала всего и вся продолжали ожидать очередной команды. И долгое время недоумевали, что таковой не поступало. Просто многим невдомек было, что внутри сложного государственного механизма сломались пружинки, приводившие в движение подготовку командных кадров. Почти десять лет шел процесс интуитивной настройки. И в результате этого самого процесса меха-

низм разладился окончательно.

Что за время! Каждый день, включая тупой говорящий ящик, видишь в нем все более и более дебильные физиономии. Порой очень хочется плюнуть. Приглушаешь звук и начинаешь вглядываться в новоявленных «оракулов». Слушать их ни к чему. Итак видно, что каждое слово – сплошное вранье. Через месяц наступает депрессия, через два – назревает глухая злоба, через полгода становится совсем невмogu и хочется заняться политической деятельностью.

Поезд Москва – Иваново прибыл в половине шестого утра. Вопреки здравому смыслу и всем законам природы из него вылезло огромное количество полусонного народа. Обезумевших от ночного марш-броска по железной дороге тут же подхватили такие же полусонные, но, тем не менее, довольно расторопные таксисты, для которых это чуть ли не единственная возможность подработать в напрочь обанкротившемся городе. Один из них услужливо распахнул передо мной дверцу машины и хриплым, осевшим на холодном февральском ветру, голосом просипел:

- Куда поедem, начальник?
- Какой я тебе начальник? Давай в Пустошь-Бор.
- Конк-р-р-етнее! – прорычал таксист, с треском заводя промерзший двигатель.
- Сколько за проезд берешь?
- По-божески (он назвал сумму).

– И это по твоему – по-божески?

– А что? Он поди там все видит. Только сделать ничего не хочет. Отвернулся он от нас. За грехи за наши. Так куда едем-то?

– Давай в Интердом.

– Так вы, значит, к нашим пацанам в гости? Ну, тогда с вас только половину.

– Это почему же такая скидка?

– Так я же сам бывший интердомовец. Меня Махмудом зовут.

Только теперь при свете качающегося под ветром фонаря я разглядел своего таксиста. Из-под шапки торчали кучерявые волосы, а лицо горело свежим негритянским румянцем.

– Тебя как сюда занесло?

– Э! – хлопнул ладонью по рулю Махмуд. – Я – коренной ивановец. Тут живу. Только работать теперь негде. Вот – гоняю по ночам эту тачку. Товарищ одолжил. Так с вас полцены. Меньше не могу. Это за бензин. Ну и накладные расходы.

Махмуд выскочил с привокзальной площади и рванул по опустевшей улице.

– Так чего же ты застрял здесь, в Иваново?

– А кому мы, на фиг, нужны? – вздохнул Махмуд. – Здесь хоть свои ребята есть. Немного друг другу помогаем. А в другом месте – совсем пропадешь. Да еще – расовая составляющая. Вы же знаете, как это теперь. Чуть что – сразу по роже. Это в лучшем случае. А то и прибьют вовсе. А я разве

виноват, что меня сюда занесло? Мне семь лет было, когда нас в 85-м из Уганды по соглашению привезли. Мою семью там всю вырезали. Если помните, у нас тогда война шла. А Россия гуманность проявила – ребятишек забрала. Не знали, что через несколько лет и здесь бардак начнется. А нам теперь куда деваться? Раньше, нам учителя рассказывали, особых проблем и не было. Все как-то устраивались. А теперь и не знаешь, в какую сторону податься. Везде эти самые скинхеды. Жить негде. Мы тут все в одной общаге пристроились. Вот по ночам подрабатываю. Больше работать негде. Фабрики все стоят, а в коммерческие структуры из-за рожи не берут.

– Так у вас же здесь губернатор – коммунист. И он-то не позаботится о выполнении интернационального долга?

– Да вы что? – Махмуд аж подскочил на сиденье. – Этот Тихоненко еще тот жук! Я вам вот что скажу. – Махмуд резко остановил машину и хлопнул обеими руками по рулю. – Этот Тихоненко – никакой он не коммунист.

Я коммунистов видел. Они к нам в Интердом приезжали. Одна такая сердобольная бабулька до сих пор каждый месяц ребятишкам игрушки таскает. Интернационал их петь учит. – Махмуд достал пачку «Беломора», чиркнул зажигалкой и закурил. – А Тихоненко – жулик. Они с Бубичем хотели наш Интердом продать Ваське Рябчику.

– Рябчик – это кто такой?

– Да это здешний хозяин притонов. Рябенко его фамилия.

Уж больно ему наш Интердом приглянулся. А что? – Махмуд начал отсчитывать, загибая пальцы. – Двенадцать корпусов, бассейн, гостиница, зрительный зал, да еще почти четыре га территории. Вот они и придумали: детей выгнать и все это хапнуть.

– А кто такой Бубич?

– Говорят, он сбежал из другой области. Там его за что-то прищучили, вот его Тихоненко и пригрел. Этот Бубич у него замом стал.

– погоди, – поскреб я в затылке пятерней, – Бубич – это не тот, который премьером в Чечню по осени влетел?

– Ну да. Он тут наворовался. Видать, его за особые заслуги туда выдвинули. Только, чего он в хозяйстве-то понимает? Он здесь все по области мотался: смотрел, где что плохо лежит. Они с Рябчиком корешками стали. Ему Рябчик машину подарил. А он, значит, Рябчику наш Интердом пообещал. Тихоненко – бабник. Вот они с Рябчиком там публичный дом сделать хотели. Во дела! – Махмуд включил скорость и рванул по улице.

– погоди, а куда же ваши депутаты смотрят? У вас же депутат в Госдуме есть?

– Да, есть там одна... Ее «Танькой раздвинь ножки» зовут. Врачиха одна беспутная из сельской больницы. То и дело по местному телеку светится, голой задницей виляет. Тьфу! Прости Господи! – Махмуд сплюнул куда-то себе под ноги. – Слушать ее противно. У нее только: сю-сю-сю! Но бабы ива-

новские за нее горой. Хотя чего она им хорошего сделала? Не знаю. А вот то, что она подо всеми мужиками-начальниками полежала, знают все. Ее даже муж из дома гнал. Я такую б убил. Не посмотрел бы на депутатство.

Ворота Интердома оказались закрытыми. Махмуд, недолго думая, резко завернул за угол и покатил между домами.

– Здесь калиточка есть. Прямо к интернатской гостинице протопаете. Вас дежурные-то ждут?

– Ждут, наверное. Они знают, что я утренним поездом приеду. Держи. – Я протянул Махмуду купюру, которую он просил вначале. Он полез в карман куртки, выворачивая оттуда какие-то мелкие купюры. – Я сейчас.

– Оставь, брат, себе. Это тебе за дорогу и за информацию.

– И вам спасибо. Вы Алику от меня привет передайте. Он там сторожем работает. Раньше персидский преподавал. Он – классный мужик. Только ничего кроме своего фарси не знает.

Уже через четверть часа я плюхнулся на жесткую металлическую кровать в маленькой комнатке в полуразрушенном крыле здания, гордо именуемого «гостиницей». Спать не хотелось. В голову лезли совершенно дурацкие мысли об Уганде, фарси, Рябчике и странном ивановском губернаторе.

Но больше всего покоя не давала информация о Бубиче. Этот бывший десантник был ни много ни мало зятем бывшего главкома ВДВ. Особых заслуг перед Отечеством не имел. Но сама принадлежность к «сильным мира сего» через те-

стя давала ему возможность без особого труда поочередно занимать довольно престижные, а главное – денежные должности. Хотя еще в середине 90-х мне доводилось встречаться с ним на одной из демократических «тусовок». Тогда он был жалок, труслив и услужлив. Но времена меняются. И те, кто вчера ползал на четвереньках, считая за счастье приобщиться к «лидерам российской демократии», кто, широко раскрыв рот, ловили каждое их слово, сегодня весьма поднапорели в государственных и политических интригах. Такие типы наиболее опасны для общества. Потому что они никогда не имели и не будут иметь никаких нравственных устоев. Деньги и власть – вот два идола, которым поклоняются новоявленные бубичи.

Рябчики и бубичи отличаются только в одном. Для первых близость к власти является средством увеличения личных богатств. Для вторых наличие больших денег предоставляет неограниченные возможности продвижения во власти. Но все это – звенья одной замкнутой цепи, разорвать которую с каждым годом становится все сложнее.

Так и не сумев толком вздремнуть, уже через полтора часа пробирался к кабинету директора по шумным переходам Интердома сквозь поток ребятишек».

Сурка разбудил неожиданный резкий стук двери. Она хлопнула так, что чуть было не слетела с петель.

– Ну, ты, Владик, даешь! Ты зачем притащил в Кремль к шефу этих козлов из «Единства»? Они ведь ни хрена не собирают. Когда мы от них Грузнова забрали, совсем с катушек съехали. Никак поделить между собой портфели не могут. Они нам так всю избирательную кампанию запорют.

В дверь ввалились два человека. Один из них с лукавыми синими глазами скорее напоминал юношу-студента, случайно забредшего в царские хоромы. Второй едва уместился в широких штанинах дорогого английского костюма, небрежно сморщенных в районе паха. Оба нервно размахивали руками. Толстый, войдя в кабинет, с ходу смачно плюнул в угол, едва не попав Сурку в макушку. Затем небрежно дернул кресло и плюхнулся в него, провалившись почти до самого пола.

– Михай, ты давай бросай эти свои еврейские штучки. Мы же с тобой договорились: финансы – это твоя синагога, а политика – моя. Насчет «Единства» уже все с шефом оговорено. Мы сделаем так, что эти суки будут только под нашу дудку плясать. Помнишь, как говаривал покойный дядя Лева из твоей охраны? Не важно, как плясать. Главное, чтобы под «Семь сорок». Дядя Лева был умный еврей. Жаль, что его

рано замочили. – Юноша глубоко вздохнул и полез в шкаф за стаканами. – Лучше давай вискаря по махонькой дернем.

– Ты мне, Владик, синагогу не шей. Сам знаешь, я этих пейсатых с детства ненавижу. Эти живоглоты только норуют ко мне в карман залезть. А что я на них, на всех вкалывать должен? Это Ходор всех без разбору деньгами одаривает. Ему один фиг: левые, правые, голубые, зеленые. Он думает, что эти сволочи потом на него работать будут. Во! – Толстяк вытянул руку со сжатой фигой и начал тыкать ею по всем углам. Упершись в висящий над столом портрет, фи́га зависла в воздухе. Толстяк посмотрел на вытянутую руку, затем на фото. Затем поднес фи́гу к собственному носу. Взял в другую руку стакан с налитым виски, окунул туда кончик высунувшегося из кулака пальца, смачно облизал его и залпом опрокинул в себя содержимое.

– Ты, Михай, не психуй. В отношении Ходора вопрос уже решен. Он отдаст все.

– А если не отдаст?

– Обижаешь, начальник. – Юноша достал из шкафа блюдечко с нарезанными лимонными дольками, аккуратно двумя пальцами взял одну из них, опустил ее в свой стакан и булькнул в него из бутылки очередную порцию виски. – Мы его специально подставили. Ему наши ребята подсунули заявlenице по поводу парламентской республики. Он возомнил, что раз шеф его к себе постоянно приглашает и за ручку позволяет подержаться, то любую ахинею можно нести.

– Только ты, Владик, не забывай, что за ним наши пейзажи стоят. Он постоянно бабки в их конгресс отстегивает.

– Ну мы тоже туда отстегиваем. Кроме того, у нас там свои люди имеются.

– Это ты Осю, что ли, имеешь в виду? Чует, собака, где медом намазано.

– Ладно, давай без намеков. Мы его из меда как-нибудь вытащим. Я его уже в список поставил. Дадим хорошую должностишку – и все дела. Он нам еще пригодится. Глотку драть – это тоже искусство.

Юноша подошел к боковому столику, на котором веером расположились разноцветные телефоны, снял одну из трубок и нажал на кнопку.

– Светик, топай сюда. У нашего Михая уже критические дни прошли. Ты его по случаю дня Красной Армии порадовать должна.

– Эта Светка – такая стерва, – притворно вздохнул толстяк. – Она мне в прошлый раз чуть не оторвала.

– Не бойсь! Кадры проверены. У нас для этого свой ОТК есть.

Через минуту в кабинет вбежала стройная тонконогая девчонка, схватила толстяка за локоть и, жеманно поправив кофточку на груди, потащила в противоположную дверь.

– Прощай, друг! – помахал ему вслед юноша и вернулся к столу с телефонами.

Бедный Сурок озадаченно пососал лапу, поскреб за ухом

и полез в свою нору под креслом.

Грузнов принимал отчеты начальников подразделений, когда резко зазвонила «первая кремлевка». В трубке раздался вкрадчивый голос Сыркова.

– Виктор Вячеславович, тут одна идеяка возникла. Через час у меня Перст с первого канала будет. Пора нам пиариться начинать. Ваши менты что-то уж больно зажрались. Народ ими недоволен. Да и шеф команду дал маленько приструнить произвол. Вы меня понимаете? Кроме того, Сержа надо поосадить. А то он как-то ненароком выпячиваться начал. Его ведомство – штука нужная. Но там тоже не все в порядке. Маленько поразболтались. Если есть по этому поводу соображения – заскакивайте, покумекаем.

– Соображения есть. Наше УСБ давно разрабатывает одну бригаду. В Тамбовской губернии.

– Э нет! Тамбовская не годится. Пусть там с ними тамбовский волк разбирается. Нам Москву за задницу брать пора. И потом, я же сказал, Серегино ведомство надо тряхануть. Чтобы он не зарывался.

– Хорошо, Владилен Михайлович, через час буду. – Грузнов положил трубку «кремлевки» и нажал кнопку селектора. – Ивановский, отмени все мои встречи до пятнадцати. Меня срочно в Кремль вызывают.

В приемной Сыркова было пусто. Массивные двойные двери кабинета были приоткрыты. Грузнов протиснулся внутрь и присел на диван. Из боковой двери, за которой находилась комната отдыха, сначала выскочила растрепанная секретарша, а затем появился и сам хозяин кабинета. Секретарша, пробегая мимо Грузнова, быстро поправила платье, игриво пошевелила в воздухе пальчиками и скрылась в приемной.

– Со мной никого не соединяй! – вслед ей прокричал Сырков. – У нас совещание.

Сырков достал из стенного шкафа непочатую бутылку виски и два хрустальных стакана. Резким движением открыл головку, налил виски в стаканы. Бросил в оба по дольке лимона. Один стакан подтолкнул в сторону гостя.

Второй взял сам. Отодвинулся в кресле от стола и положил на него ноги.

– Ну что, Виктор Вячеславович, ты подумал насчет моей идеи? Я бы назвал эту операцию так – «Оборотни в погонах». Народу сегодня что нужно? – Сырков поднял вверх указательный палец. – Им хочется крови наших чиновников. – Палец уткнулся в стакан. – И мы им такую возможность предоставим. Покойный Иосиф Виссарионович был неглупый мужик. Он недаром время от времени кровопускания устраивал. А мы – развели демократию. Этак народ нашей с тобой крови потребует.

Сырков опустил ноги на пол, поставил стакан на стол и

показал пальцем на телефонный аппарат с надписью «Президент».

– Шефу нужно, чтобы население только в нем видело своего защитника. А мы с тобой – его глаза, уши и мотор. Я хочу, чтобы в следующей Думе у нас вообще никакой оппозиции не было. Поэтому сейчас надо выбить у всех этих вшивых демократов всякую почву из-под ног. Все эти яблоки и груши ратуют за права человека. Так? Вот мы и станем вместо них главными борцами за гражданские права.

Сырков вскочил с места и начал бегать по кабинету. В это время зазвонил телефон внутренней связи. Он схватил трубку и в раздражении прокричал:

– Я же сказал тебе – ни с кем меня не соединять! Пусть этот мудак Жирновский позвонит завтра. А вообще-то, скажи ему, что, когда будет нужно, я его сам вызову. – Сырков бросил трубку. – Мне из-за этого козла пришлось с америкасами объясняться. Им не понравилась та самая пленочка, где он Буша с Кондолизой по матушке пустил. – Он опять уселся и положил ноги на стол. Отхлебнул виски и глубокомысленно произнес. – Кандоли-за, конечно, блядь еще та! Но надо же соображать: у шефа с ними дружба. Значит, надо быть поосторожнее. Так вот: вернемся к нашим баранам. То есть, пардон, к нашим гражданам. Мы должны удовлетворить их потребность в крови чиновников. И в первую очередь – милицейских.

– Да, но такую операцию надо серьезно подготовить... –

Грузнов задумчиво покачал головой. – Надо наше управление собственной безопасности поднапрячь. У них там кое-какие разработки имеются. Я сегодня же запрошу. А вот насчет Сереги я что-то не понял. – Грузнов приблизился к Сыркову вплотную. – Он же с шефом дружит. Да и Михалыч может взбрыкнуть. А он тоже с шефом на короткой ноге.

– Вячеславич, мы самого Серегу-то трогать и не будем. Мы просто кое-кого из руководства в его ведомстве шуганем. А для него это будет сигнальчиком, чтобы он нас с тобой не чурался.

– Сомневаюсь я, – покачал головой Грузнов. – Как бы это нам боком не вышло.

– А ты не сомневайся. Я уже все продумал. Он наоборот сговорчивее будет. И потом, ему деваться больше некуда. Вы с ним и с Михалычем втроем возглавите первую тройку. Я уже эту идею шефу подбросил. Он вас на следующей неделе пригласит для обсуждения. Пора нам всех объединить под флагом «Монолитной России». «Единство», «Отечество» и «Вся Россия» свое отработали. Власти нужно иметь одну большую правительственную партию и фракцию в Государственной Думе.

– Да, но мы тогда сразу попадем под критику наших западных «друзей». Они начнут вопить, что у нас демократии больше нет. И потом, я думаю, яблочники и эспээсовцы свое на выборах обязательно наберут. У них спонсоры хорошие. Один Ходоровский чего стоит.

– Насчет него не беспокойся! – Сырков махнул рукой и сделал очередной глоток из стакана. – Его участь уже решена. Генеральная все подготовила. На днях вам поступит приказ о его задержании. Мы его не раз предупреждали. – Сырков хлопнул рукой по столу. – Я лично не один раз ему говорил: будешь высовываться – бабки отберем!

– Так это ж какой вой поднимется?! – Грузнов подошел к столу и показал на президентский телефон. – А с ним согласовано?

– А то как же! Такие дела, брат, решаются на самом высоком уровне. Шеф сам сказал, что ему не нравится, когда кто-то за него решает, каким путем идти стране. Тем более, если кто-то финансирует не согласованные с ним структуры.

– Н-да! – Грузнов почесал пятерней в затылке. – Но все-таки надо быть поосторожнее. Деньги – большая сила. А у Ходоровского – аж 15 миллиардов американских.

– Я же тебе сказал, Вячеславич, деньги – такая вещь: сегодня есть, завтра – нету. Мы ему предъявим финансовых претензий по его «МУКОСУ» на всю сумму. Да еще былые грешки припомним.

Грузнов уселся на диван, осушил до дна стакан и в задумчивости уставился в потолок.

Сидя в своем укрытии, Сурок сначала удивленно таращил глаза, пытаясь рассмотреть происходящее. Но услышанное повергло его в такой транс, что он едва не хрюкнул, нечаянно прикусив язык. Заложив в пасть лапу, он еще долго вращал

глазами, пока кабинет, наконец-то, не опустел.

Из путевых заметок профессора Воронцова

«Много раз давал себе зарок не участвовать ни в каких политических играх. Политика по самой своей сути не только дело грязное, но и предельно безнравственное. Влезая в очередную политическую авантюру, человек вынужден наступать грязными ногами на свою совесть, на свою душу, на свои принципы. Получается это не у всех.

У меня это не получалось никогда.

Вот и теперь, направляясь в Иваново, поддавшись на уговоры друзей и раздобыв немного денег, я решил все-таки попробовать свои силы на предстоящих выборах в Государственную Думу. Но душа ко всему этому не лежала. Тем более что еще в Москве меня предупредили о том, что исход выборов здесь уже практически предопределен. Единственным проходным претендентом в этом округе была действующая депутат Якулева. Она прошла собеседование в Кремле и была утверждена на новый депутатский срок. Но, возможно, именно этот факт заставлял меня из чувства протеста принять участие в заранее безысходном процессе.

Мэр Иваново оказался на редкость живым и интересным человеком. Маленький и тщедушный, в большом и уют-

ном кабинете, он без устали рассказывал о свалившихся на него проблемах. Уже через полчаса я фактически знал обо всем, что творилось в этом своеобразном городе.

— А чего здесь рассуждать-то? — Грушев махнул рукой в сторону окна. — Вся экономика области в полном упадке. Предприятия стоят. Безработица. Тоска. Мы ведь теперь полностью на дотации центра. Каждый раз идешь с протянутой рукой и ждешь: подадут — не подадут. Городское хозяйство полностью развалилось. Дороги провалились. Вы видели наши трамваи? Это же доходяги какие-то, а не общественный транспорт. А что я могу поделать?

В дверь заглянула секретарша.

— Василий Александрович, там Бубич звонит по межгороду. Говорит, срочное дело есть. Соединить?

Грушев подошел к столу и взял телефонную трубку.

— Соединяйте. Алло! Я вас слушаю, Михаил Викторович!.. Я вам уже однажды сказал, что город в этой авантюре участвовать не будет... Ну и плевать, что это решила партия? У партии свои интересы, у руководства города и жителей — свои... В первую очередь, я глава города, а потом уже все остальное!.. Думаю, что разговор бессмысленный. До свидания.

Грушев бросил телефонную трубку и задумчиво уставился в стол. Затем вновь взял трубку в руку и набрал номер.

— Василь Василич, проследи, пожалуйста, чтобы наш арендный отдел никаких помещений этому жулику Рябен-

ко не предоставлял. И что это там за история с земельным участком у реки? Мы никаких решений по данному поводу не принимали и принимать не будем!.. Мало ли кому чего хочется. Закон один для всех. И мне наплевать на то, что вопрос рассматривается на партийном бюро. Я и в былые времена не выполнял никаких решений партии. И теперь не буду... А мне наплевать! – И повесил трубку.

Затем долго задумчиво сидел, машинально прикуривая одну за другой сигареты и бросая их, не докурив, в пепельницу.

– Вот такие, брат, дела.

– А какая партия вам пытается приказывать?

– «Монолитная Россия». Кто же еще? Они меня уже во как достали! – Он провел рукой по горлу и сплюнул в угол. – Эти уроды монороссы думают, мол, если им маленько дали воли, то можно хоть что творить!

– Так ваш губернатор Тихоненко ведь коммунист?!

– Да какой он коммунист?! Так, одно название. Так же на поклон в Кремль бегают. Промеж ним и Зюгановым давно черная кошка пробежала. И это не без помощи главы президентской администрации Запологишина и его молодого да раннего зама – Сыркова. Они нам еще веселую жизнь устроят. – Грушев еще раз тяжело вздохнул и запалил очередную сигарету. – Мне кажется, что эти ребята специально людей друг с другом сговаривают, чтобы в мутной водичке побольше рыбки наловить. У нас тут в городе все перессорились.

Только жирновцы благоденствуют. Прошлой осенью их шеф Жирновский приезжал. Потребовал, чтобы я его на въезде в город с хлебом-солью встречал. Тьфу! Противно это все! – Грушев прошелся по кабинету и присел на стул в самом конце длинного стола.

– Так вы его встречали с хлебом-солью?

– Вот еще! С ума сойдешь, всякого придурка привечать! Пусть его кремлевские идиоты встречают! Его молодчики у нас в городе постоянно всякие гадости вытворяют. Недавно пьяный дебош в ресторане на Энгельса устроили. Я просто удивляюсь, откуда столько подонков берется? За него стабильно голосует около десяти процентов населения. – Грушев в раздумье почесал затылок. – Впрочем, видимо, столько у нас психически больных и имеется в наличие.

– А в 93-м за него вообще 23 процента проголосовало.

– Ну тогда народ это просто от отчаяния сотворил. Потому как ни Ельцину, ни коммунистам больше веры не стало.

– Сегодня, думаете, другие времена?

– Кто его знает! – Грушев вернулся на место за рабочим столом и взял в руки блокнот. – В общем, Якулеву мы поддерживать не будем. Даже если сверху прикажут. Пока что я здесь начальник. Нам эта беспутная баба уже давно надоела. Только задом вертит. Но сразу предупреждаю: у нас достаточно ограниченные возможности. Эти хлопцы из «Монолитной России» захватили все, что можно. И, самое главное, краевая и городская избирательные комиссии под их полным

контролем. Так что будет довольно непросто что-либо сделать. Да и все газеты, телевидение и радио получили соответствующие указания. А без пиара, как теперь говорят, далеко не уедешь.

Узнав о моей встрече с мэром города, директор Интердома только тяжело вздохнула:

– Мужик-то он хороший. Но только мало чего может. Здесь заправляет не он. Боюсь, что его самого скоро попросят на выход. У него отношения с губернатором не сложились. Особенно с губернаторской пассией, которая свой нос во все дела сует. Да и «Монолитная Россия» ему не простит вольницы. Как бы они его не турнули...

Предсказания Галины Ивановны сбылись с точностью до процента. Уже через некоторое время, в Москве, я узнал, что мэра Грушева исключили из партии «Монолитная Россия». На мой телефонный звонок с соболезнованиями он отреагировал спокойно.

– Оно, может быть, и к лучшему. Уж больно надоело перед всякой сволочью раскланиваться.

Но, видимо, и партийные боссы переоценили свои возможности. Потому что Грушев так и остался на своей должности. Зацепить его было не за что. Однако я понял, что моим кандидатским амбициям в Иваново не сбыться. И спокойно покинул сей скорбный российский регион».

Под вечер, когда все окончательно стихло, Сурок по-хозяйски огляделся и юркнул в приоткрытую дверь соседней комнаты, в которой днем неоднократно уединялся хозяин кабинета со своей юной секретаршей. В потемках трудно было разобраться, что и как расположено. Но природное чутье не подвело. В открытом шкафчике возле низенького мягкого дивана оказался целый пакет с вкусными орешками и корзина нетронутых фруктов. «Этих запасов хватит на месяц», – подумал Сурок и начал перетаскивать добычу за диван. Когда работа была закончена, он по-барски уселся возле сложенной кучи и приступил к трапезе. Затем перетащил с дивана на пол маленькую подушечку и, устроившись по-королевски, сладко задремал.

С первыми лучами солнца Сурок поспешно запихал свое ложе поглубже в угол и перебрался на исходную позицию в кабинет. При первых стуках в приемной он нащупал лапой вшитый под шкурой чип передающего устройства и расположился поудобнее. Начался новый рабочий день во вражеском логове.

В кабинет медленной барской походкой вошел Сырков. Он осмотрел слегка затуманенным взглядом своих голубых глаз окружающую обстановку. Из тумбочки под телефонами с правительственной связью достал коробку дорогих гавай-

ских сигар. Вынул одну из них. Очень долго крутил в руках прежде, чем откусить один из концов. Затем медленно с чувством начал раскуривать. Уселся в кресло, снял ботинки и положил ноги перед собой на рабочий стол. После этого нажал кнопку селектора внутренней связи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.